

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ФЕНОМЕНЫ СОВЕТСКОЙ ЭПОХИ В СОВРЕМЕННОМ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ НАЦИОНАЛЬНОГО КОРПУСА РУССКОГО ЯЗЫКА)

С. М. Карпенко

Томский государственный педагогический университет, Томск

Введение. Рассматриваются вопросы, связанные с осмыслением знаков советской культуры в современном публицистическом дискурсе. Анализируются особенности функционирования прецедентных идеологем и прецедентных лозунгов советского времени в контекстах Национального корпуса русского языка. Идеологемы, введенные в современные публицистические контексты, выступают как прецедентные феномены, обладающие воспроизводимостью, сверхличностным характером, аксиологичностью, образностью.

Цель – анализ специфики функционирования прецедентных феноменов советской эпохи в современном публицистическом дискурсе.

Материал и методы. Исследование осуществлено на основе материалов газетного корпуса Национального корпуса русского языка. Рассмотрено около 260 контекстов, содержащих прецедентные идеологемы *советский народ* и *рабочий класс*, около 50 контекстов, включающих прецедентные лозунги советской эпохи. С учетом коммуникативно-деятельностного подхода проанализированы коннотативный и сигнификативный компоненты значения прецедентных феноменов советской эпохи. На основе текстовых ассоциаций, входящих в ассоциативное поле прецедентных феноменов, выявлены особенности их функционирования в современном публицистическом дискурсе; рассмотрены понятийный, оценочный, образный слои их концептуального содержания. В работе применялись контекстологический, компонентный, семантико-стилистический методы анализа.

Результаты и обсуждение. Проведенный анализ показал, что в современном публицистическом дискурсе широко используются прецедентные феномены советской эпохи – идеологемы и лозунги. В публицистических контекстах происходит переосмысление значения прецедентных идеологем за счет актуализации оценочного и образного слоев их концептуального содержания. Выявлены характеристики прецедентных идеологем *советский народ* и *рабочий класс*, относящиеся как к ядерной, так и периферийной части их ассоциативных полей. Коннотативные семы в значении рассмотренных прецедентных идеологем, формирующиеся контекстом, способствуют переосмыслению их концептуального содержания. В современной публицистике происходит трансформация семантики советских лозунгов за счет: 1) актуализации переносного значения; 2) смыслового опустошения; 3) изменения целевой установки.

Заключение. Прецедентные феномены советской эпохи используются в современных публицистических текстах как в прямом, так и в переносном значении, с учетом переосмысления их семантики за счет контекстного окружения, создающего коннотацию. Коннотация формируется на основе введения прецедентного феномена в контекст, который не только способствует изменению экспрессивно-оценочной окраски, но и влияет на сигнификативный компонент значения прецедентной единицы. При этом происходит семантическая трансформация прецедентных феноменов, аккумулирующих культурологическую информацию, актуализация оценочного и образного слоев их концептуального содержания. В целом прецедентные феномены советской эпохи способствуют сохранению стилистики советской журналистики в современной прессе и остаются значимым фактором влияния на адресата, внедрения в его сознание политико-идеологических установок.

Ключевые слова: *прецедентный текст, прецедентный феномен, публицистический дискурс, текстовые ассоциации, прецедентные идеологемы, прецедентные лозунги.*

Введение

Современный публицистический дискурс характеризуется большим количеством прецедентных феноменов (ПФ) – различного рода включений в текст-реципиент языковых и текстовых единиц, обладающих свойством прецедентности и имеющих большой потенциал воздействия на адресата посредством привлечения внимания и актуализации в его картине мира ассоциаций, в том числе оценочного характера. Под прецедентностью в широком смысле понимается связь между текстовыми фрагментами разной протяженности, находящимися в диалогическом взаимодействии. Идея диалогических отноше-

ний между высказываниями и между текстами принадлежит М. М. Бахтину – основателю концепции диалогизации, утверждавшему, что «диалогические рубежи пересекают все поле живого человеческого мышления» [1, с. 299]. Знание ПФ, их значений является не только условием диалогического взаимодействия автора и читателя, предпосылкой понимания текста, но и продолжением диалога культур, ведь, как отмечает Бахтин, слово, желая быть услышанным, «вступает в диалог, который не имеет смыслового конца» [1, с. 306].

В связи с этим особый интерес представляет исследование диалогического взаимодействия совет-

ской и постсоветской культуры сквозь призму современного восприятия. Целью данной статьи является описание специфики функционирования прецедентных феноменов советской эпохи в современном публицистическом дискурсе на материале газетного подкорпуса Национального корпуса русского языка (НКРЯ) [2].

Базовым для определения прецедентных феноменов является понятие *прецедентный текст*, введенное Ю. Н. Карауловым. В число признаков прецедентного текста входят его познавательная и эмоциональная значимость для носителей языка, сверхличностный характер, воспроизводимость в дискурсе [3, с. 216]. В современных исследованиях, посвященных вопросам прецедентности [4–7], названные признаки коррелируют с содержанием понятия *прецедентный феномен*, которое рассматривается как родовое по отношению к понятиям *прецедентный текст*, *прецедентное имя*, *прецедентное высказывание*, *прецедентная ситуация*.

Изучение функционирования прецедентных феноменов советского времени в современной публицистике имеет значение для выявления доминантных смыслов, актуальных для современной массовой культуры, для анализа взаимодействия советской и современной культуры, диалогических отношений между ними. Как элементы когнитивной базы – структурированной совокупности знаний и представлений, имеющих у членов национального лингвокультурного сообщества [5, 8], ПФ актуализируют культурологическую информацию, стимулируя в сознании адресата комплекс ассоциативных связей.

Большое влияние на современную культуру и языковое сознание носителей языка продолжают оказывать прецедентные феномены советской эпохи периода с 1917 по 1991 г., характеризующегося господством Коммунистической партии и коммунистической идеологии. В это время происходит идеологизация лексической системы русского языка, процесс и последствия которой отражены в настоящее время как в научных статьях [9–11], монографиях [12, 13], так и в словарях [14]. Н. А. Купина называет язык советского периода тоталитарным, исследуя его на основе материалов Толкового словаря русского языка под ред. Д. Н. Ушакова, который считает памятником тоталитарной эпохи [15].

Прецедентные феномены советского времени широко представлены в современных публицистических текстах. Исследователи отмечают феномен востребованности советской культуры [9, 10, 16].

Материал и методы

Язык как система знаков отражает существующую и воображаемую реальность, в то же время моделирует ее при помощи создаваемых человеком

конструктов промежуточного характера, находящихся на стыке языка и действительности, ментальных конструктов – концептов, фреймов, сценариев. Одним из средств влияния на мышление и сознание человека являются идеологемы – вербально закрепленные идеологические предписания [15, с. 13], в роли которых могут выступать как отдельные слова, устойчивые сочетания, высказывания, имеющие идеологическую нагрузку, так и текстовый фрагмент или целый текст, воплощая в себе идеологические системы определенного общества в определенную эпоху [17, с. 85]. Идеологемы рассматриваются исследователями в разных аспектах: как вербально выраженные мировоззренческие установки, как авторские идеи, имеющие политическое, экономическое или социальное значение, ради которых создается текст, как единицы когнитивного уровня – многоуровневые концепты. Считаем, что **идеологемы советской эпохи, включенные в публицистические тексты постсоветского времени, приобретают характер прецедентных феноменов**. Они обладают всеми признаками ПФ, такими как сверхличностный характер, аксиологичность, образность, воспроизводимость.

Материалом исследования послужили **прецедентные идеологемы: советский народ** (126 документов, 133 вхождения), **рабочий класс** (138 документов, 151 вхождение), наиболее частотные в современном публицистическом дискурсе, и **прецедентные лозунги: «Мир, труд, май», «Народ и партия едины», «Партия – наш рулевой», «Слава КПСС», «Пролетарии всех стран, объединяйтесь!»**. Рассмотрено около 50 контекстов, содержащих указанные прецедентные лозунги.

В исследовании использовались контекстологический, компонентный, семантико-стилистический методы анализа, применявшиеся с учетом коммуникативно-деятельностного подхода к тексту с опорой на ассоциативное поле ПФ. В ассоциативном поле рассматривались понятийный, оценочный и образный слои концептуального содержания ПФ (об ассоциативном поле и методике анализа концепта на основе моделирования ассоциативно-смысловых полей см.: [18, 19]).

Результаты и обсуждение

На основе анализа текстовых ассоциативных связей рассмотрим концептуальное содержание прецедентной идеологемы **советский народ**, представленное в материалах газетного корпуса НКРЯ. К ядерной части ассоциативного поля данной идеологемы относятся ассоциаты, коррелирующие с сигнификативным компонентом значения ПФ. В подавляющем большинстве контекстов газетного корпуса сочетание *советский народ* реализует значение «единая общность», оно часто сопровождает

ется определительным местоимением *весь*, актуализирующим сему «нераздельное».

С одной стороны, это общность, которая уже не существует, относится к советскому периоду в жизни страны, что подтверждается контекстным окружением данного сочетания. Так, актуальный смысл идеологемы «прошлое» актуализируется прилагательным *бывший*, наречием *раньше*, глаголами прошедшего времени *слышали*, *перехватывало*, было: «Раньше была общность „советский народ“, которую в суете буден, может, и трудно было осознать, но, к примеру, когда мы слышали песню из „Белорусского вокзала“, у каждого перехватывало дыхание. Было, было у нас в той стране нечто общее, для каждого равно важное и сердцу дорогое. А что сегодня?» (Труд, 27.05.2006); «Раньше на трибунах собиралась молодежь и скромный советский народ – рабочие, инженеры, учителя, врачи» (КП. 19.05.2013). «Было такое понятие „советский народ“, новая историческая общность. Если кто-то предложит нечто подобное в новых условиях – было бы здорово» (КП. 28.12.2012).

В данных контекстах представлено и оценочное отношение к прецедентному феномену: *перехватывало дыхание, сердцу дорогое, было бы здорово*. В приведенных примерах акцентируется оппозиция *прошлое – современность*, отражается ностальгия по советскому времени, по утраченному чувству принадлежности к единой исторической общности, которая усиливается риторическим вопросом: «А что сегодня?». При этом мифологическому образу сплоченной исторической общности, воссоздающемуся в подобного рода контекстах и, безусловно, содержащемуся в когнитивной базе лингвокультурного сообщества, противопоставляются контексты, в которых идиллический образ советского народа ставится под сомнение: «Дело в том, что на протяжении почти столетия, когда создавалась историческая общность „советский народ“, казахская культура, традиции и язык всячески нивелировались и оказались на грани забвения и даже гибели» (РИА Новости. 26.06.2008).

С другой стороны, встречаются контексты, в которых отражены представления о сохранении общности *советский народ* в современной действительности: «...канал „Россия“, например, показывает более традиционные, в хорошем смысле слова, советские передачи. И это хорошо, потому что советский народ никуда не делся» (Известия. 13.09.2006). Выявлены контексты, содержащие высказывания о преемственности советской и постсоветской культуры: «...формирование полиэтнической цивилизационной общности, которую мы называли советский народ, сохраняется сегодня в образе жизни российского народа, в институтах и

традициях общего Российского государства – цивилизации» (Новый регион. 2.08.06.2007). Н. А. Купина, анализируя язык советской эпохи, отмечает, что советский народ – «не миф и не публицистическое клише, это действенная и по сей день реальность, предполагающая определенное состояние сознания и установку на поведение личности» [15, с. 3].

Общность *советский народ* в контекстах газетного корпуса представлена и как идеологическая выдумка, и как теоретический конструкт, не имеющий аналога в действительности: «Чем от этой идеи отличается идея Ленина, выдуманного советский народ? И в советском, и в нацистском варианте имеем дело не с реальными народами, а с идеологическими выдумками» (КП. 20.04.2012); «В советские времена – напоминаю – использовался даже такой термин: „единая общность – советский народ“. Во многом эти построения оказались теоретическими. Но это не значит, что мы должны уходить от этой проблемы и от этой идеи» (КП. 10.09.2011). Достоинством данного конструкта называют наличие общей объединяющей идеи, консолидированность: «Несмотря на все недостатки, тогда был большой плюс – консолидированность общества» (Известия. 16.08.2012).

В контекстах газетного корпуса отражены такие качества советского народа, как *сплоченность, справедливость, взаимовыручка и взаимопомощь, мобилизационная готовность*. Советский народ **победил фашизм**: «победу одержал не просто русский солдат, а победу одержал великий советский народ. Это были и казахи, и армяне, и грузины, и украинцы» (КП. 12.05.2011); «И потом – что нам известно о прошедшей войне? Мы и сейчас не можем понять, за кого воевал советский народ: за товарища Сталина? За Русь православную? За своих близких и Родину?» (КП. 14.01.2011); **обладал чувством юмора**: «советский народ был силен тем, что в самой тяжелой ситуации находил место для шутки» (Советский спорт. 22.05.2012); **был вынужденно аскетичным, стойко переносящим разные лишения**: «советский народ, лишенный кондиционеров, а часто и холодильников, и вентиляторов, к жаре относился спокойно, с пролетарской сознательностью. То ли народ был покрепче, то ли жара по сравнению с ГУЛАГом была лишь пустяком, но документальных свидетельств народных мучений осталось очень мало» (КП. 14.08.2010).

К ядерной части ассоциативного поля рассматриваемой идеологемы в публицистических текстах относятся атрибутивные характеристики: *полиэтническая цивилизационная, единая историческая, новая историческая*, в том числе оценочного характера: *великая, удивительная*. Среди синтагматических ассоциатов частотны определения *тру-*

довой, молодой, многомиллионный, непобедимый, героический. При характеристике общности «советский народ» актуализируются оценочные прилагательные с положительной коннотацией: *великий, великодушный, удивительный, скромный, дружный*. Обилие положительных коннотаций – показатель некоторой идеализации советской модели общества в современном публицистическом дискурсе, что, разумеется, было свойственно и советской публицистике. Вместе с тем в контекстах газетного корпуса наблюдается попытка осмысления феномена *советский народ*, некоторых его качеств, что было невозможно из-за тотального контроля со стороны органов власти в советской периодике: «...в не таком уж далеком прошлом нам настойчиво внушали, что советский народ, употребляя современное выражение, – „самый продвинутый“. И, надо признать, многие из нас так и считали. Однако, знакомясь с некоторыми положениями раздела, подготовленного академиком Заславской, приходишь к выводу, что это было далеко не так...» (Труд. 11.06.2003).

Создание общности *советский народ* обусловлено особенностями советской государственной системы, политическим режимом, характеризующимся полным контролем над общественными институтами, над всеми сферами жизни людей, а процесс ее распада связан с кризисом и падением тоталитарного режима: «...мечта создать единую нацию „советский народ“ провалилась. Когда советские тоталитарные узы ушли в прошлое, выяснилось, как сильно растут национальное самосознание, тяга к самобытности» (Труд. 05.12.2003). Среди причин распада называется потеря цели существования. Процесс распада характеризуется как болезненный, повлиявший на самосознание советских людей и способствовавший кризису самоидентификации: «Россия оказалась в болезненном процессе распада исторической общности „советский народ“. Утрата статуса сверхдержавы, комплекс „национального позора“ – все это сделало уязвимой значительную часть населения» (Труд-7. 27.06.2002).

К периферии ассоциативного поля прецедентной идеологемы относятся образные средства, наиболее частотное из которых – метонимия: «Тогда еще советский народ доставал по благу кофе, индийский чай, духи, колготки... Все подряд» (КП. 22.12.2006); «...на Первомай советский народ начинал выпивать с самого раннего утра, перед демонстрацией» (КП. 27.04.2004); встречаются и другие изобразительно-выразительные средства, например метафора: «Надо признать – русские были бульоном, в котором готовилась новая историческая общность – советский народ» (КП. 10.07.2007); сравнение: «И разговоры про „общий

советский народ“ вспоминаются сейчас как страшный сон...» (Новый регион. 25.08.2010). Отрицательную коннотацию создают и узуальные синонимы жаргонного характера: «Это потом мы росли, забывая слова гимна. Это потом мы перестали быть советским народом и научились сами называть нас же тогдашних „совками“» (КП. 01.04.2005);

Таким образом, в значении прецедентной идеологемы *советский народ* при постоянстве сигнификативного компонента актуализируются коннотативные семы, репрезентирующие отношение к изображаемому явлению. Положительные характеристики общности *советский народ* в основном относятся к прошедшему времени. Общность *советский народ* представлена в материалах газетного корпуса и как теоретический конструкт, и как существующая в настоящее время реальность, сохраняющаяся в образе жизни российского народа, в поведении людей.

Проанализируем прецедентную идеологему *рабочий класс*.

Рабочий класс составлял «основу нашего государства в советский период» (Известия. 20.08.2012), занимал активную позицию в общественной жизни, поставлял кадры для других социальных групп: «Именно рабочий класс принимал активное участие в политической жизни страны, из него вышли многие ученые, политики, благодаря рабочему классу были созданы передовые технологии, активно развивалась наука» (Известия. 20.08.2020). Положение рабочего класса в обществе определялось происхождением его представителей, принадлежностью к массовой, как правило, пролетарской культуре, это люди, которые «владеют каким-то ремеслом», «люди труда». Рабочий класс «не готов управлять государством». В ряде контекстов актуализируются семы «борьба», «протест», «бунт»: «В год юбилея российской революции стоит вспомнить, что в 1881 году, обращаясь к французским социалистам, Карл Маркс писал, что, используя демократические институты, рабочий класс в принципе может взять власть мирным путем» (МК. 20.06.2017); «У нас рабочий класс после утраты своей гегемонии практически не борется за свои права» (Труд-7. 08.06.2009); «Правда, „союза труда и капитала“ не получается и периодически рабочий класс бунтует» (Новая газета. 04.09.2015);

Ассоциативное поле прецедентной идеологемы составляют синтагматические ассоциации, среди которых ее атрибутивные характеристики, выделяемые на основе сочетаемости в контексте: *мировой, местный, героический, угнетенный, высокоподготовленный, квалифицированный, революционный*. Рабочий класс составляют группы населе-

ния с низким доходом: «*Вижу, как живут рабочий класс и пенсионеры*» (Новый регион 2. 05.10.2007). В контекстах газетного корпуса показано его соотношение с другими социальными группами: «*Если вы возьмете сегодняшнюю Россию, то нынешний рабочий класс составляет меньшую долю, чем, например, охранники – больше миллиона здоровых молодых людей*» (Труд-7. 25.05.2007).

Рабочий класс противопоставляется гламурным тусовщикам (КП. 28.01.2013), элите: «*люди из высшего общества ведут себя и говорят совершенно иначе, чем, скажем, рабочий класс*» (КП. 16.10.2013), монархии: «*китайский рабочий класс одолел монархию*» (Известия. 11.09.2006), нефтяным олигархам: «*Рабочий класс не должен рисковать жизнью ради нефтяных олигархов!*» (КП. 13.04.2004).

Данная идеологема используется и для обозначения современных реалий: «*Рабочий класс на заводах получает неплохо*» (КП. 13.09.2004); «*Просто из-за повышения цен рабочий класс перешел на нелегальную водку*» (Труд-7. 30.01.2008); «*Рабочий класс настроен голосовать только за Владимира Владимировича*» (Известия. 17.02.2004).

Периферию концептуального поля прецедентной идеологемы составляют ассоциаты с отрицательной коннотацией: «*быдло*», «*совки*», «*титишки*» (Известия. 20.02.2014); «*зависть снедала рабочий класс*» (КП. 27.07.2013),

К образному слою ассоциативного поля прецедентной идеологемы относятся сравнение: «*Мы – рабочий класс в музыке: у меня свободного времени попросту нет*» (КП. 26.04.2011); антитеза: «*По большевистскому учению, рабочий класс – „революционный“, а деревня – контрреволюционная „крестьянская Вандея“*» (Новая газета. 27.11.2017); метафора: «*В Коминтерне планировали: именно немецкий рабочий класс взорвет Европу*» (Известия. 24.12.2007); «*Увидев, что рабочий класс играет мускулами, правительство согласилось на переговоры с ведущими профсоюзами*» (КП. 30.03.2006); гипербола: «*Бороться за свои права надо всегда, иначе рабочий класс задушит*» (Труд-7. 13.11.2007).

Рассматриваемая идеологема используется в составе названий песен: «*Где-то он нашел очень старую советскую песню „Идет рабочий класс“*» (Труд-7. 09.09.2008); «*Вперед, рабочий класс*» (РИА Новости. 27.09.2005).

Таким образом, переосмысление прецедентных идеологем происходит через введение их в новое контекстное окружение, актуализацию образного и оценочного слоев их ассоциативных полей. В сознании носителей языка, что подтверждают материалы газетного корпуса, остаются конструкты, стереотипные установки, которые в советское время насаждались обществу как властными структу-

рами, так и периодическими изданиями, многие из которых были их рупором.

В контекстах газетного корпуса НКРЯ представлены **прецедентные лозунги советской эпохи**. Их использование в публицистике в настоящее время связано с возможностью переосмысления лозунга. Контекстные примеры с лозунгами, употребленными в прямом значении, немногочисленны, в таких случаях автор текста, как правило, делает ссылку на жанр или сферу бытования ПФ – лозунг, плакат, транспарант, коммунистическую атрибутику. Уходят со страниц газет советские лозунги «*Мир, труд, май*» (11 документов/11 вхождений); «*Народ и партия едины*» (11/11); «*Партия – наш рулевой*» (4/4); «*Пролетарии всех стран, соединяйтесь!*» (2/2); «*Искусство принадлежит народу*» (8/8); «*Свобода, равенство, братство*» (22/24).

Советские лозунги в газетном дискурсе получают переосмысление, вводятся в **иронический контекст**: «*Плакат в институте: „Учиться, учиться и учиться – потому что работы вы все равно не найдете“*» (Труд-7. 24.07.2003); используются в **составе метафоры**: «*Писать колонку в дни, когда мир-труд-май гуляет по стране, – тяжкая повинность*» (Новая газета. 03.05.2017). Переносное значение лозунга актуализируется в контекстах достаточно часто. Приведем еще пример: «*„– Правда ли“, – спрашивала меня соседка фрау Шпигель, сбежавшая от нацистов из Вены в Нью-Йорк и с тех пор следившая за международными новостями, – что ваши русские сбили пассажирский авиалайнер, устроили Чернобыль и объявили миру мир?!*» (Новая газета. 03.07.2015). Лозунги включаются в состав слоганов: «*Миру – мир, народу – сыр!*» (КП. 21.01.2009). Наблюдается их смысловое опустошение: «*Фраза „миру мир“ была известна каждому, но именно поэтому превратилась в нечто среднее между общим местом и ежедневной мантрой*» (Известия. 27.05.2014). В газетных контекстах выражается сомнение в их истинности: «*„Искусство принадлежит народу“, – уверяли нас когда-то. Увы, даже в советские времена, когда театры, филармонии щедро финансировались государством, регулировавшим цены на все и вся (включая искусство), посетить громкие спектакли, яркие концерты было не просто, несмотря на относительно дешевизну билетов*» (Труд-7. 27.04.2005).

Такое переосмысление семантики лозунгов возможно в условиях некоторого дистанцирования от времени и эпохи, когда они были созданы и пользовались популярностью: «*Нам с детского садика вдалбливали: да здравствует дружба народов, миру – мир*» (Советский спорт. 11.04.2011).

Таким образом, можно отметить переосмысление исходного значения лозунгов. В условиях, ког-

да лозунги перестают выполнять свое прямое назначение – внедрение смысловых доминант в сознание членов общества, допускается их свободное толкование даже официальными лицами: «*Патриарх Кирилл в своей программе „Слово пастыря“ заявил о ложности лозунга „Свобода, равенство, братство“: по его мнению, свобода и равенство исключают друг друга*» (МК. 30.10.2017). Известно, что в советское время лозунги являлись элементом пропаганды: «*внушали в школе: „Искусство принадлежит народу“, оно должно идти в массы и пробуждать в них творца*» (КП. 06.12.2000); «*Мы выросли с лозунгом „Свобода, равенство, братство“, а теперь оказались его заложниками*» (КП. 24.05.2005). Целевая установка лозунгов – внедрение в сознание масс идеологических мировоззренческих постулатов: «*Поверьте, я не пытаюсь вернуть старый лозунг „Кто не работает, тот не ест“: в советской России предпочитали поэтизировать физический, оупляющий труд, чтобы люди не задумывались много*» (Труд-7. 17.02.2011). В современном публицистическом дискурсе наблюдается критическое осмысление содержания лозунгов: «*Собственно, выражение „народ и партия едины“ было далекой от жизни метафорой, если не считать двух объединяющих факторов, за которые в 1970-е интуитивно держался Леонид Брежнев – память о Великой Отечественной и хоккей*» (РИА Новости. 05.09.2007).

В контекстах газетного корпуса НКРЯ отмечена и попытка рефлексии относительно активных процессов, происходящих в русском языке, на основе сравнения с известными лозунгами и ассоциаций с содержанием произведения Джорджа Оруэлла: «*Одновременно с 1917 года шло неуклонное*

упрощение русского языка, превращение его в новояз, некий воляжук („народ и партия едины“, „социализм – это мир“, „овощной контейнер страны“, „бойцы стройотрядов“). После 1991 года, оказавшись в рыночной экономике и открытом обществе, мы не нашли в своем языке слов для описания этой действительности» (Известия. 06.06.2012).

Заключение

Таким образом, можно сделать вывод, что прецедентные феномены советской эпохи востребованы в современной культуре, о чем свидетельствует анализ контекстов газетного корпуса НКРЯ. В современном публицистическом дискурсе отчасти сохраняется стиль советской эпохи, что не может не влиять на языковое сознание адресата – потребителя публицистической продукции. Прецедентные феномены аккумулируют культурологическую информацию, стимулируют в сознании адресата комплекс ассоциатов, в том числе с яркой эмоционально-оценочной окраской. Контекстное окружение ПФ создает их коннотацию, оценочный слой их ассоциативных полей. Переосмысление ПФ происходит на основе контекстов, формирующих коннотативный компонент их значений. Коннотация у прецедентной единицы появляется за счет ее введения в новое контекстное окружение. При этом происходят семантические сдвиги – контекстное окружение так или иначе влияет на семантику ПФ и, как правило, вызывает изменение экспрессивно-оценочной окраски. Следствием этого является переосмысление значения прецедентной единицы – трансформация понятийного слоя в ее концептуальном содержании.

Список литературы

1. Бахтин М. М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках. Опыт философского анализа // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. С. 281–307.
2. Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/new/search-paper.html> (дата обращения: 29.03.2021).
3. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 264 с.
4. Красных В. В., Гудков Д. Б., Захаренко И. В., Багаева Д. В. Когнитивная база и прецедентные феномены в системе других единиц и в коммуникации // Вестн. Московского ун-та. Сер. 9: Филология. 1997. № 3. С. 62–75.
5. Красных В. В. Система прецедентных феноменов в контексте современных исследований // Язык, сознание, коммуникация: сб. ст. / ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. М.: Филология, 1997. Вып. 2. С. 5–12.
6. Нахимова Е. А. О критериях выделения прецедентных феноменов в политических текстах // Лингвистика: Бюллетень Уральского лингвистического общества. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2004. С. 166–174.
7. Гришаева Л. И. Прецедентные феномены как культурные скрепы (к типологии прецедентных феноменов) // Феномен прецедентности и преемственность культур. Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2004. С. 15–46.
8. Гудков Д. Б. Прецедентное имя в когнитивной базе современного русского (результаты эксперимента) // Язык, сознание, коммуникация: сб. ст. / ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. М.: Филология, 1998. Вып. 4. С. 82–93.
9. Купина Н. А. Советские идеологические традиции сегодня // Советское прошлое и культура настоящего: в 2 т. / отв. ред. Н. А. Купина, О. А. Михайлова. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2009. Т. 2. С. 186–208.
10. Мустайоки А. Ностальгия по советскому прошлому // Советское прошлое и культура настоящего: в 2 т. / отв. ред. Н. А. Купина, О. А. Михайлова. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2009. Т. 2. С. 209–219.

11. Вепрева И. Т. Рефлексия советского как база для развития качественного значения лексемы советский в постсоветский период // Советское прошлое и культура настоящего: в 2 т. / отв. ред. Н. А. Купина, О. А. Михайлова. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2009. Т. 2. С. 220–230.
12. Язык советской эпохи: истоки, традиции, современное восприятие / отв. ред. проф. В. Д. Черняк. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2018. 264 с.
13. Советское прошлое и культура настоящего: в 2 т. / отв. ред. Н. А. Купина, О. А. Михайлова. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2009. Т. 2. 396 с.
14. Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения / под ред. Г. Н. Складневской. СПб.: Фолио-Пресс, 1998. 700 с.
15. Купина Н. А. Тоталитарный язык: Словарь и речевые реакции. Екатеринбург; Пермь: Изд-во Урал. ун-та; ЗУУНЦ, 1995. 144 с.
16. Саломатина М. С., Стернин И. А. Прецедентные тексты советской культуры в современном агитационном дискурсе // Советская культура в современном социопространстве России: трансформации и перспективы: материалы науч. интернет-конференции. Екатеринбург, 28–29 мая 2008 г. Екатеринбург: Урал. гос. ун-т, 2008. С. 67–75.
17. Матвеева Т. В. Учебный словарь: русский язык, культура речи, стилистика, риторика. М.: Флинта: Наука, 2003. 432 с.
18. Болотнова Н. С. Коммуникативная стилистика текста: словарь-тезаурус. Томск: Изд-во ТГПУ, 2008. 384 с.
19. Болотнова Н. С. Об изучении ассоциативно-смысловых полей слов в художественном тексте // Коммуникативная стилистика художественного текста: лексическая структура и идиостиль / под ред. проф. Н. С. Болотновой. Томск: Изд-во ТГПУ, 2001. С. 130–134.

Карпенко Светлана Михайловна, кандидат филологических наук, доцент, Томский государственный педагогический университет (ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061).
E-mail: karpenko_si@mail.ru

Материал поступил в редакцию 28.04.2021.

DOI 10.23951/1609-624X-2021-4-15-23

PRECEDENT PHENOMENA OF THE SOVIET ERA IN CONTEMPORARY PUBLIC DISCOURSE (THE STUDY OF NATIONAL CORPUS OF THE RUSSIAN LANGUAGE)

S. M. Karpenko

Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russian Federation

Introduction. The article deals with issues related to the understanding of the signs of Soviet culture in modern journalistic discourse. The features of the functioning of precedent ideologemes and precedent slogans of the Soviet era in the contexts of the National Corpus of the Russian language are analyzed. Ideologemes, introduced into modern journalistic contexts, act as precedent phenomena with reproducibility, super-personal character, axiology, and imagery.

The goal is to analyze the specifics of the functioning of precedent phenomena of the Soviet era in modern publicistic discourse.

Material and methods. The research is carried out on the basis of the material from the newspaper corpus of the Russian National Corpus. It considers about 260 contexts containing precedent ideologemes of the Soviet people and the working class, about 50 contexts including precedent slogans of the Soviet era. Taking into account the communicative-activity approach, the author analyzes the connotative and significative components of the meaning of precedent phenomena of the Soviet era. On the basis of textual associations included in the associative field of precedent phenomena, the features of their functioning in modern journalistic discourse are revealed, the conceptual, evaluative, figurative layers of their conceptual content are considered. The work used contextlogic, component, semantic and stylistic methods of analysis.

Results and discussion. The analysis showed that the precedent phenomena of the Soviet era – ideologemes and slogans – are widely used in modern journalistic discourse. In journalistic contexts, the meaning of precedent ideologemes is being rethought due to the actualization of the evaluative and imaginative layers of their conceptual content. The article reveals the characteristics of the precedent ideologemes of the Soviet people and the working class, referring to both the nuclear and peripheral parts of their associative fields. Connotative semes in the meaning of the considered precedent ideologemes, formed by the context, contribute to the rethinking of their conceptual content. In modern journalism, the semantics of Soviet slogans is being transformed as a consequence of: 1) the actualization of the figurative meaning; 2) semantic devastation; 3) changing the target setting.

Conclusion. The precedent phenomena of the Soviet era are used in modern journalistic texts both in a literal sense and in a figurative one, taking into account the rethinking of their semantics as conditioned by the contextual environment that creates connotation. The connotation is formed on the basis of the introduction of the precedent phenomenon into the context, which not only contributes to a change in the expressive-evaluative coloration, but also

affects the significant component of the meaning of the precedent unit. At the same time, there is a semantic transformation of precedent phenomena that accumulate culturological information, the actualization of the evaluative and figurative layers of their conceptual content. In general, the precedent phenomena of the Soviet era contribute to the preservation of the style of Soviet journalism in the modern press and remain a significant factor in influencing the addressee, introducing political and ideological attitudes into their consciousness.

Keywords: *precedent text, precedent phenomenon, journalistic discourse, text associations, precedent ideologemes, precedent slogans.*

References

1. Bakhtin M. M. Problema teksta v lingvistike, filologii i drugikh gumanitarnykh naukakh. Opyt filosofskogo analiza [The problem of the text in linguistics, philology and other humanities. Experience of philosophical analysis] In: Bakhtin M. M. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of verbal creativity]. Moscow, Iskustvo Publ., 1979. Pp. 281–307 (in Russian).
2. *Natsional'nyy korpus russkogo yazyka* [Russian National Corpus] (in Russian). URL: <https://ruscorpora.ru/new/search-paper.html> (accessed 29 March 2021).
3. Karaulov Y. N. *Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost'* [Russian language and linguistic identity]. Moscow, Nauka Publ., 1987. 264 p. (in Russian).
4. Krasnykh V. V., Gudkov D. B., Zakharenko I. V., Bagayeva D. V. Kognitivnaya baza i pretsedentnyye fenomeny v sisteme drugikh yedinit i v kommunikatsii [Cognitive base and precedent phenomena in the system of other units and in communication]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9: Filologiya – Moscow State University Bulletin. Series 9. Philology*, 1997, no. 3, pp. 62–75 (in Russian).
5. Krasnykh V. V. Sistema pretsedentnykh fenomenov v kontekste sovremennykh issledovaniy [The system of precedent phenomena in the context of modern research]. *Yazyk, soznaniye, kommunikatsiya: sbornik statey. Vypusk 2* [Language, consciousness, communication: collection of articles. Issue 2]. Ed. V. V. Krasnykh, A. I. Izotov. Moscow, Filologiya Publ., 1997. Pp. 5–12 (in Russian).
6. Nakhimova E. A. O kriteriyakh vydeleniya pretsedentnykh fenomenov v politicheskikh tekstakh [About the criteria for identifying precedent phenomena in political texts]. *Lingvistika: Byulleten' Ural'skogo lingvisticheskogo obshchestva* [Linguistics: Bulletin of the Ural Linguistic Society]. Yekaterinburg, Ural State Pedagogical University Publ., 2004. Pp. 166–174 (in Russian).
7. Grishayeva L. I. Pretsedentnyye fenomeny kak kul'turnyye skrepy (k tipologii pretsedentnykh fenomenov) [Precedent phenomena as cultural bonds (to the typology of precedent phenomena)] In: Grishayeva L. I. *Fenomen pretsedentnosti i preymstvennost' kul'tur* [Phenomenon of precedent and continuity of cultures]. Voronezh, Voronezh State University Publ., 2004. Pp. 15–46 (in Russian).
8. Gudkov D. B. Pretsedentnoye imya v kognitivnoy baze sovremennogo russkogo (rezul'taty eksperimenta) [Precedent name in the cognitive base of modern Russian (experimental results)]. In: *Yazyk, soznaniye, kommunikatsiya: sbornik statey. Vypusk 4* [Language, consciousness, communication: collection of articles. Issue 4]. Ed. V. V. Krasnykh, A. I. Izotov. Moscow, Filologiya Publ., 1998. Issue 4. Pp. 82–93 (in Russian).
9. Kupina N. A. Sovetskiye ideologicheskiye traditsii segodnya [Soviet ideological traditions today]. In: *Sovetskoye proshloye i kul'tura nastoyashchego: v 2 tomakh. Tom 2* [Soviet past and culture of the present: in 2 volumes. Vol. 2]. Executive editors N. A. Kupina, O. A. Mikhaylova. Yekaterinburg, Ural University Publ., 2009. Pp. 186–208 (in Russian).
10. Mustayoki A. Nostal'giya po sovetskomu proshlomu [Nostalgia for the Soviet past]. In: *Sovetskoye proshloye i kul'tura nastoyashchego: v 2 tomakh. Tom 2* [Soviet past and culture of the present: in 2 volumes. Vol. 2]. Executive editors N. A. Kupina, O. A. Mikhaylova. Ekaterinburg, Ural University Publ., 2009. Pp. 209–219 (in Russian).
11. Vepreva I. T. Refleksiya sovetskogo kak baza dlya razvitiya kachestvennogo znacheniya leksemy sovetskiy v postsovetskiy period [Reflection of the Soviet as a basis for the development of the qualitative meaning of the lexeme Soviet in the post-Soviet period]. In: *Sovetskoye proshloye i kul'tura nastoyashchego: v 2 tomakh. Tom 2* [Soviet past and culture of the present: in 2 volumes. Vol. 2]. Executive editors N. A. Kupina, O. A. Mikhaylova. Yekaterinburg, Ural University Publ., 2009. Pp. 220–230 (in Russian).
12. *Yazyk sovetskoy epokhi: istoki, traditsii, sovremennoye vospriyatiye* [The language of the Soviet era: origins, traditions, modern perception]. Executive editor professor V. D. Chernyak. Saint Petersburg, Russian State Pedagogical University named after A. I. Herzen Publ., 2018. 264 p. (in Russian).
13. *Sovetskoye proshloye i kul'tura nastoyashchego: v 2 tomakh. Tom 2* [The Soviet past and the culture of the present: in 2 volumes. Vol. 2]. Executive editors N. A. Kupina, O. A. Mikhaylova. Yekaterinburg, Ural University Publ., 2009. 396 p. (in Russian).
14. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka kontsa XX veka. Yazykovyye izmeneniya* [Explanatory dictionary of the Russian language at the end of the twentieth century. Language changes]. Ed. G. N. Sklyarevskaya. St. Petersburg, Folio-Press Publ., 1998. 700 p. (in Russian).
15. Kupina N. A. *Totalitarnyy yazyk: Slovar' i rechevyye reaktsii* [Totalitarian language: Dictionary and speech reactions]. Yekaterinburg, Perm, Ural State University – ZUUNTS Publ., 1995. 144 p. (in Russian).

16. Salomatina M. S., Sternin I. A. Pretsedentnyye teksty sovetskoy kul'tury v sovremennom agitatsionnom diskurse [Precedent texts of Soviet culture in modern propaganda discourse] In: *Sovetskaya kul'tura v sovremennom sotsioprostranstve Rossii: transformatsii i perspektivy: materialy nauchnoy internet-konferentsii. Ekaterinburg, 28–29 maya 2008* [Soviet culture in the modern socio-space of Russia: transformations and prospects. Materials of the scientific Internet conference. Yekaterinburg, May 28–29, 2008]. Yekaterinburg, Ural State University Publ., 2008. p. 67–75 (in Russian).
17. Matveyeva T. V. *Uchebnyy slovar': russkiy yazyk, kul'tura rechi, stilistika, ritorika* [Educational dictionary: Russian language, speech culture, stylistics, rhetoric]. Moscow, Flinta: Nauka Publ., 2003. 432 p. (in Russian).
18. Bolotnova N. S. *Kommunikativnaya stilistika teksta: Slovar'-tezaurus* [Communicative stylistics of the text: dictionary-thesaurus]. Tomsk, TSPU Publ., 2008. 384 p. (in Russian).
19. Bolotnova N. S. Ob izuchenii assotsiativno-smyslovykh poley slov v khudozhestvennom tekste [On the study of associative-semantic fields of words in a literary text]. In: *Kommunikativnaya stilistika khudozhestvennogo teksta: leksicheskaya struktura i idiosstil'*. Pod redaktsiyey professora N. S. Bolotnovoy [Communicative stylistics of a literary text: lexical structure and idiostyle. Ed. prof. N. S. Bolotnova]. Tomsk, TSPU Publ., 2001. p. 130–134 (in Russian).

Karpenko S. M., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Tomsk State Pedagogical University (ul. Kiyevskaya, 60, Tomsk, Russian Federation, 634061).
E-mail: karpenko_si@mail.ru